

Ольгерд Усминский

Расчлененность : глабный фактор синтаксической образности

Studia Rossica Posnaniensia 22, 147-154

1991

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РАСЧЛЕНЕННОСТЬ — ГЛАВНЫЙ ФАКТОР СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ

SEGMENTATION AS A FUNDAMENTAL FACTOR OF SYNTACTIC FIGURATIVENESS

ОЛЬГЕРД УСМИНСКИЙ

АБСТРАКТ. In the article the author analysed the specificity of the syntactic figurativeness, taking under consideration the notion of segmentation of the syntactic series.

Ольгерд Усминский, Тюменский университет, ул. Республики 10, 625003 Тюмень, СССР.

По нашим данным, понятие синтаксической образности никем не разрабатывалось, хотя синтаксическая наука имеет в настоящее время немало разветвлений. Например, В. Г. Гак отмечает, что современное языкознание различает три уровня анализа предложения: семантический, коммуникативный, синтаксический¹.

Интересные достижения в выделении типов экспрессивных синтаксических конструкций продемонстрирована Г. Н. Акимова в статье *Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке*².

В течении ряда лет нами были проведены эксперименты по установлению степени экспрессивности. Опыты проводились с помощью формулы темпа речи-мысли³, главная функция которой — измерение интенсивности предицирования.

$$T = \frac{7 \cdot N_1 \cdot (\text{Подл.} + \text{Сказ.})}{2 \cdot n \cdot N_2}$$

В этой формуле N_1 — число простых предложений, n — число знаменательных слов, N_2 — число двусоставных предложений, Подл. — число подлежащих, Сказ. — число сказуемых, 7 и 2 — коэффициенты, которые обеспечивают одну единицу темпа при семи словах в предложении и при двух главных членах в предложении. Исследования интенсивности предицирования проводились нами на материале произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Не-

¹ В. Г. Гак, *Коммуникативные трансформации и системность средств логического выделения во французском языке*, „Научные доклады высшей школы. Филологические науки” 1975, № 5, с. 49.

² Г. Н. Акимова, *Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке*, „Вопросы языкознания” 1981, № 6, с. 109 - 113.

³ Б. Н. Головин, *Язык и статистика*, Москва 1971, с. 150 - 159.

красова, Н. Чернышевского, И. Тургенева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова и некоторых советских писателей и поэтов. Полученные результаты представляют, на наш взгляд, интерес в аспекте стилеразличения. Например, T пейзажных и портретных характеристик в прозаических произведениях А. Пушкина и М. Лермонтова равняется в среднем 1,2 - 1,4 ед. Обращение к читателю и призыв к сопереживанию в произведениях И. Тургенева и А. Чехова обеспечивается $T+1,7 - 1,9$ ед. Темп речи-мысли внутреннего монолога в произведениях Ф. Достоевского и Л. Толстого равен 1,9 - 2,6 ед. Темп речи-мысли *Левого марша* В. Маяковского равняется 6,5.

С помощью формулы темпа речи-мысли нам удалось доказать, например, что расхожее мнение о „стремительности” пушкинской прозы ошибочно. Ясность и четкость прозаического языка А. Пушкина вполне естественно опирается на медленный темп, очень невысокую интенсивность предцирования.

Достаточно неожиданным оказался результат измерения T в *Левом марше*. Конечно, интуитивно почти каждый читатель этого стихотворения чувствует динамику, напористость, молниеносную развертку мысли и действия. Однако формальная сторона стихотворения — небольшое число глаголов — свидетельствует, казалось бы, об обратном. Стилистико-статистический результат ($T=6,5$) подтвердил наши предположения о том, что количество глаголов отнюдь не гарантирует высокую „мысленную скорость”, хотя в прозаических произведениях А. Пушкина, например, глаголы составляют около 40% от всего лексического фонда. Заметим попутно, что А. И. Ефимов особо выделяет эту величину (40%) в своем учебнике *История русского литературного языка* (1967), не подозревая о том, что „стремительность” речи следует рассматривать на синтаксическом уровне, так как единицей речи является фраза, предложение.

Несмотря на нетривиальные результаты, мы отказались в конце концов признать формулу темпа речи-мысли главным операциональным символом в исследовании образности синтаксиса. Во-первых, формула „объединяет” и синтаксические, и лексические единицы. Во-вторых, весьма сомнительно, что ощущение стремительности речи является единственным фактором образности. В-третьих, как было уже отмечено, мы применяли этот статистический прием при анализе общей (семантико-синтаксической) экспрессивности текста, а экспрессивным в этом случае является любой темп речи-мысли, значение которого отличается от 1 (единицы). Возможно, темп речи-мысли является дополнительным, вспомогательным фактором в создании синтаксической образности.

Если понимать язык как статическую память, то можно сказать: язык — совокупность лексем, находящихся в отношениях противопоставленности, и совокупность синтаксических схем. Речь — фрагментарная (дозированная!) реализация языкового материала. Речевые элементы не противопоставлены

друг другу, связаны друг с другом, однако эта связанность имеет различную степень (тесноту). Видимо, большинство читателей и слушателей воспринимают письменный или устный текст как монолит особого рода, составленный из многочисленных линейных разверток словоформ. И всякое более или менее резкое нарушение этого речевого монолита создает ощущение „рваной мысли“, перебивчатости речи, зияния в коммуникации. Поэтому в качестве главного фактора синтаксической образности мы выдвигаем явление расчлененности речевой цепи.

Мы осознаем, что использование этого критерия как основного во многих случаях „накладывает“ синтаксическую образность на синтаксическую экспрессивность. Однако это наложение все-таки является частичным, так как: во-первых, синтаксическую образность не составляют многообразные повторы; во-вторых, вопросительные и восклицательные предложения также могут быть отнесены к образным (если иметь в виду расчлененность в качестве главного критерия).

С нашей точки зрения, выдвижение расчлененности как главного фактора и критерия образности требует классификации пауз (видов прерывания речевой цепи), а также их ранжировки, ибо различные паузы с неодинаковой эффективностью расчленяют речь. Мы выделили следующие типы прерывания цепи.

1. Явление умолчания

„Все слышали, как мы это самое...” (М. Е. Салтыков-Щедрин).

„... А я, право, так устал, что мне было все равно. Внезапный вызов на действующий флот (Юрий значительно растянул эти слова) ... Ночь ... Билетов нет ... Прыгнул, куда попало ...” (Л. Соболев). О том, что в этом примере действительно умолчание, свидетельствует и дальнейший комментарий автора: „Он развел руками — и вдруг с ужасом почувствовал, что из него полез бессмертный мистер Джингль из «Пиквикского клуба», враль и бахвал, вместе со своей отрывистой речью, полной намеков и недогоренностей”.

2. Асиндетон (бессоюзие)

„Штирлиц кивнул Астахову, отошел к книжным шкафам, углубился в изучение библиотеки; говорить с Гонсалесом о чем бы то ни было бесполезно — прирожденный разведчик, он легче всего получал надежную информацию на такого рода встречах; собирались люди одного круга, понимавшие друг друга с полуслова; их объединяла общность интересов; в условиях франкистского государства своей задачей видели противостояние левым тенденциям” (Ю. Семенов).

„... Штирлиц вновь посмотрел на американца: он очень крепкий человек, подумал Штирлиц, сбить его прямо-таки; вообще-то американцы очень здоровые; понятно: войн не знали, далеки от разыгравшихся в мире трагедий, да

и молоды: всегда два века истории, это не возраст, младенчество, куда еще пойдут, особенно сейчас, когда мир вновь зашатало..." (Ю. Семенов).

3. Апозиопезис (остановка с нарушением построения)

„В тюрьму? ... Было б за что — Пошел бы, а то так — здорово живешь ... За что? ...". (М. Е. Салтыков-Щедрин).

„Я ничего ... я даже не помню ... Ступай, пожалуйста, — ответил Юрий, неловко путаясь в словах" (Л. Соболев).

4. Зевгма (вид синтаксической компрессии, основанный на пропуске в предположении одного и того же слова)

„Один взял книгу, другой — тетрадь, третий ручку" (учебный пример).

5. Сегментация текста (отделение темы от ремы и приобретение темой качества топики, „интродуктивного подлежащего", которое можно также назвать пресуппозитивным подлежащим)

„Берег! Берег! Чудесный берег российского императорского флота! Берег, от которого отрываются только для того, чтобы города и люди еще желаннее, еще острее встали потом по курсу возвращающегося корабля (Л. Соболев).

„Производство! Оно мерещилось вдали, как избавление, как второе рождение — благословенный прыжок в сияющий мир, злорадный расчет с мешчанской жизнью у Извековых..." (Л. Соболев).

„Война! Он ощутил это слово целиком, во всем его буйном и страшном веселье. Праздничный грохот недавнего юбилея Отечественной войны, кивера, *Торжественная увертюра* Чайковского, пушки и пороховые дымы, *Война и мир*, подвиги и слава, мундир отца с георгиевской ленточкой, оловянные солдатики на зеленом поле письменного стола ..." (Л. Соболев).

6. Парцелляция (отсечение друг от друга однородных членов предложения, которые внешне — письменно — выглядят как самостоятельные односоставные предложения)

„Адмирал Того бросил во мрак ночи разъяренные стаи гночих — это его эсминцы, кренясь, ринулись в атаку. Их командиры жаждали.

Славы. Чести. Орденов. Денег.

Добить. Дождь. Доломать.

Чтобы ничего не осталось от русских на волнах моря..." (В. Пиккуль).

„Он открыл глаза. Звук шел справа. И слева. Это была наверняка не скрипка" („Литературная газета" 1980, 9 июля).

7. Цепочки номинативных предложений, приводящие к разрывам в речевой цепи

„Железный рукомойник. Сосновый столик. Стул. Свеча в стеклянном

колпаке. Зеленые решетчатые ставни-жалюзи. Крашенный пол, облезший от постоянного мытья” (В. Катаев).

„Тысяча девятьсот шестнадцатый год. Октябрь. Ночь. Дождь и ветер. Полесье” (М. Шолохов).

„... И вдруг яркая синь реки слепит глаза. Волга! Родная Волга. Золотые пески. Сверкающие плесы. Солнце. Жара” (Коптелов).

Ранжировка пауз как средства синтаксической образности встретила серьезные трудности. Опрос информантов показал, что в сознании носителей языка между подавляющим большинством пауз нет принципиальной разницы: по крайней мере, восприятие пауз читателями не дает оснований строго ранжировать эти паузы.

В лингвистической литературе вопрос о различном влиянии пауз на расчлененность речи не рассматривался, приходится использовать фрагментарные высказывания. Например, Ш. Балли (1981, с. 109 - 111)⁴ отмечал, что в сегментированных конструкциях первая часть обычно подготавливает вторую часть. На наш взгляд, такая квалификация сегментации позволяет рассматривать ее как один из видов присоединения. В отличие от сегментации, в парцелированных конструкциях функцией „подготовки” по введению в текст других элементов обладают словоформы, находящиеся „слева до первой паузы”. Мы позволим себе привести уже использованный пример, так как он довольно ярко иллюстрирует это качество: „Их командиры жаждали. Славы. Чести. Орденов. Денег. Добить. Дождь. Доломать... и т.д.” К парцелированным конструкциям гораздо больше подходит высказывание В. В. Виноградова о „раскрошенном синтаксисе” (1947, с. 27)⁵.

Проблему ранжировки пауз мы связывали с вопросом о связности текста, решение которого позволит лучше определять прагматическую силу текста, т.е. воздействие текста на читателя.

Ранжируя паузы и подбирая формальный аппарат для определения общей связности текста, мы в конце концов остановились на формуле, „вобравшей” в себя не все типы пауз.

Вначале мы проверили эффективность формулы связности, предложенной Б. Н. Головиным (1971, с. 155 - 159). Эта формула имеет вид:

$$\text{Св.} = \frac{\text{Предлоги} + \text{Союзы}}{3 \cdot N}$$

В этой формуле N — число самостоятельных предложений („от точки до точки”). Применение этой формулы выявило ее серьезные недостатки. Во-первых, преувеличена роль предлогов как средств синтаксического уровня, способных повлиять на связность. Во-вторых, игнорируется роль бессоюз-

⁴ Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, Москва 1981.

⁵ В. В. Виноградов, *Русский язык — грамматическое учение о слове*, Москва 1947, с. 27.

ных сочетаний, обратно влияющих на связность. В-третьих, не учитывается размер предложения и количество слов, приходящихся на один союз. В-четвертых, союзы не ранжированы с точки зрения их влияния на связность.

Наша отработка формулы связности сопровождалась сопоставлением данных связности с данными темпа речи-мысли одних и тех же фрагментов текста. Мы предполагали, что при возрастании показателей связности показатели темпа речи-мысли будут уменьшаться. Сопоставление проводилось с помощью формулы показателя корреляции рангов (формула Спирмена), его результаты подтвердили наше предположение: теснота связи оказалась равной $(-0,6)$, что свидетельствует о достаточно жесткой обратной связи между двумя статистико-стилистическими категориями.

Мы думаем, что предлагаемая ниже формула, несмотря на то, что она не учитывает различия между союзами, является достаточно удобным операциональным приемом определения связности. Формула имеет вид:

$$\text{Св.} = \frac{\text{Союзы}}{\text{БС} + n + S}$$

В этой формуле БС — число любых бессоюзных связей, С — число пауз, возникающих в результате приема умолчания, сегментации, парцеллирования и апозиопезиса; n — коэффициент, введенный из расчета, что нормальная нагрузка на один союз равна примерно 5 - 9 словам („диапазон Миллера”). Превышение и преуменьшение этого диапазона определяет конкретную величину. Например, если на один союз в среднем приходится 3 слова, $n = 5 - 3 = 2$, и это значение (2) вводится в знаменатель нашей формулы.

Может возникнуть вопрос: почему связность должна уменьшаться, если один союз „обслуживает” небольшое количество слов? Дело в том, что, как ни странно, радикальное насыщение текста союзами создает впечатление рвущегося, „крошащегося” текста. В качестве примера приведем фрагмент из *Хождения за три моря Афанасия Никитина*.

„На баграм на бесерменьской выехал султан на тѣферичь, ино с ним 20 възырев великих, да 300 слонов наряженных в булатных доспесех, да с пушками, да с пищалями; а на великом слоне по 2 приборца великих, да и зубом повязаны великия мечи по кентарю, да к рылом привязаны великия железныя гиры, да человек сидит в доспесе промежду ушей, да крюк у него в руках железной великы, да тем его правит; на коней простых 1000 в снастех золотых, да верблюдов 100 с нагарами, да трубников 300, да плясцев 300...”

Думаем, читатель не решится отстаивать тезис о высокой степени связности этого отрывка, хотя союзами данный фрагмент перенасыщен.

Мы не оговаривали одно явление, может быть, резко повышающее связность текста. Речь идет об анафорическом сгущении обстоятельств с помощью одинаковых союзов. Возможно, этот прием создает образность, диаметрально противоположную образности „раскрошенного синтаксиса”. Ана-

форическое сгущение обстоятельств детерминирует представление о сверхсвязном, ритмически упорядоченном синтаксическом блоке, который необходимо читать, если так можно выразиться, „на одном дыхании”. Мы приведем два примера, иллюстрирующих выдвинутый тезис:

1. „... С тех пор как по решению Розенберга и Геббельса, отвечавших за идеологию национал-социализма, в рейхе были запрещены американские джазы, французские шансонье и русские романсы; с тех пор как Розенберг провозгласил главной задачей НСДАП восстановление и сохранение старогерманских традиций; с тех пор как на человека в костюме, шитом за границей, стали смотреть как на потенциального изменника делу фюрера; с тех пор как принцип „крови и почвы” стал неким оселком, на котором проверялась благонадежность подданного; с тех пор как в газетах стали печатать лишь те материалы, в которых доказывалось величие одного только германского духа и утверждалось, что культура Америки, России, Франции, Англии есть не что иное, как второсортные словесные или музыкальные упражнения недочеловеков, заполнять эфир становилось все тяжелее и тяжелее...” (Ю. Семенов).

2. „... Мачты же остались на страх врагам и на утешение друзьям — великолепные и небывалые, прибавляющие «Генералиссимусу» еще более грозной величественности.

Четырнадцатого же июля, —

когда сараевский выстрел отдался наконец затяжной детонацией дипломатических сейфов и выкинул из них первый залп бесповоротных ультиматумов;

когда броненосец „Для франс” под флагом президента республики полным ходом шел через Немецкое море, торопясь доставить великого режиссера в Париж к первому акту разработанной им мировой постановки;

когда самодержец всероссийский раскрыл уже малахитовый бювар на своем письменном столе, засиженном портретами многочисленных дочерей, и вынул оттуда первый вариант манифеста об объявлении войны;

когда военный и морской министры уже ломали голову над непредусмотренными никакими планами повелениями царя мобилизовать войска только против Австрии;

когда заградители принимали уже полный запас боевых мин, чтобы на много лет закупорить ими Финский залив;

когда к вечеру на кораблях впервые сыграли многозначительный сигнал «отражение минной атаки» и люди разбежались по орудиям и начали всю ночь маячить в синем полумраке плутонгов, хмуро и боязно ожидая удара неизвестного врага неизвестной стороны в неизвестное время;

когда практические снаряды, заполнявшие погреба, казались уже издевкой

над нервным ожиданием сменить их на боевые (а приказа не приходило, ибо не было еще мобилизации) и когда каждому матросу и офицеру хотелось скорей принять эти боевые снаряды как успокоительную, хотя и неверную гарантию от внезапного появления германских или шведских линкоров;

когда это линкоры мерещились уже сигнальщикам в каждой лайбе, показавшейся на горизонте;

когда война их возможности стала достоверностью и когда всякая деталь корабля была переосмыслена в трепете самозащиты и судорожно прикинута на военных весах, мирно ржавевших в мирное время, —

тогда, 14 июля 1914 года, вдруг оказалось, что рэштчатые мачты — это не гордость корабля, а его гибель” (Л. Соболев).

Нам представляется, что при определении степени связности текста наличие таких комплексных анаформических введений обязывает дополнять формулу связности некоторым повышающим коэффициентом. Правда, величина этого коэффициента остается пока неясной. Может быть, на каком-то этапе исследований возможен и произвольный коэффициент, например, равный 2.

В заключение — краткие итоги. По нашему мнению, расчлененность как основной фактор синтаксической образности весьма оптимальна для исследования текста. Во-первых, этот признак четко противопоставлен другому синтаксическому признаку — связности, что позволяет говорить о „чистоте критерия”. Во-вторых, расчлененность поддается измерению и, следовательно, можно говорить о степени или мере синтаксической образности. В-третьих, возможность измерения общей образности или, по крайней мере, подсчет типов пауз открывает зеленую улицу в области стилистической идентификации. В-четвертых, изучение синтаксической образности перспективно в фонетическом аспекте: точное измерение пауз позволит сделать вполне коррективные выводы об их принципиальном (непринципиальном) различии и, в конечном итоге, о яркости синтаксической образности.

SEGMENTATION AS A FUNDAMENTAL FACTOR OF SYNTACTIC FIGURATIVENESS

by

OLGIERD USMINSKI

Summary

The author of this article analyses the syntactic figurativeness, i.e. expressive syntactic constructions in the works of belles lettres, especially the masterpieces of Russian classics. The author thinks that the fundamental factor of syntactic figurativeness (which he proves through the analysis of appropriate texts) is a phenomenon of segmentation of linguistic chain.